

Но для этого нужно нечто гораздо более серьезное, чем те бестактные выходки, с помощью которых «противопоставляют себя буржуазии» наши товарищи-бланкисты.

Что же именно? Это очень серьезный вопрос. О нем в следующем письме.

Открытое письмо к петроградским рабочим

Товарищи! Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А. Ф. Керенского и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Скажу вам прямо: меня эти события огорчают. Не потому огорчают, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а наоборот, потому, что призываю его всеми силами своей души.

В течение последних месяцев некоторые агитаторы и публицисты изображали меня чуть ли не контрреволюционером. Во всяком случае, они охотно распространялись на ту тему, что я готов перейти или уже перешел на сторону буржуазии. Но эти агитаторы и публицисты, — по крайней мере, те между ними, которые не страдали неизлечимым простодушием, — конечно, сами не верили тому, что распространялось ими на мой счет. Да и нельзя было этому верить. Кому известна была история моей политической деятельности, тот знает, что уже с начала восьмидесятых годов прошлого столетия, — со времени основания группы «Освобождение труда», — в ее основе лежала одна политическая мысль: мысль об историческом призвании пролетариата вообще и русского пролетариата в частности. «Революционное движение в России восторжествует как движение рабочего класса или совсем не восторжествует», — сказал я в речи о русском положении, произнесенной мною на Парижском Международном социалистическом съезде 1889 г., — этом первом съезде 2-го Интернационала¹.

Эти мои слова недоверчиво встречены были огромным большинством участников съезда. Россия представлялась им такой

безнадёжно отсталой страной, что они должны были принять и действительно приняли за несбыточную утопию мое мнение о великом историческом призвании русского пролетариата в области нашей внутренней политики. Только мой друг Жюль Гэд и зять Маркса Шарль Лонгэ, да еще старый деятель германской социал-демократии Вильгельм Либкнехт иначе отнеслись к мысли, мною высказанной. Они нашли, что мысль эта проливает новый свет на дальнейший ход русского общественного развития и соответствующего ему освободительного движения.

Что же касается нашей революционной интеллигенции того времени, то в ее среде моя парижская речь вызвала значительное неудовольствие. Вера в промышленный пролетариат считалась тогда у нас вредной ересью. Интеллигенция насквозь пропитана была старозаветными народническими понятиями, согласно которым, промышленный *рабочий не мог* претендовать ни на какую самостоятельную историческую роль. В лучшем случае он способен был, по убеждению тогдашних народников, поддерживать революционное движение крестьянства. И это убеждение так сильно укоренилось в интеллигенции, что всякое отклонение от него считалось почти изменой революционному делу.

В первой половине девяностых годов «*легальные*» народники печатно называли нас, «*нелегальных*» проповедников идеи рабочего сословия (как выразился бы Лассаль), *кабатчиками*, а один из них выразил ту отрадную уверенность, что ни один уважающий себя журнал не позволит себе напечатать на своих страницах изложение наших взглядов². В продолжение целой четверти века мы стойко выносили самые ожесточенные нападки и преследования. Мы обладали той «*благородной упрямкой*», на которую с гордостью указывал некогда Ломоносов как на одно из отличительных свойств своего характера. И вот теперь, когда жизнь как нельзя более убедительно показала, что мы были правы; теперь, когда русский рабочий класс в самом деле стал великой движущей силой общественного развития, мы отвернемся от него и перейдем на сторону буржуазии? Да ведь это ни с чем не сообразно; этому может поверить лишь тот, кто не имеет ни малейшего понятия о психологии!

Повторяю, этому не верят сами наши обвинители. И, конечно, сознательные элементы русского рабочего класса отвергнут это обвинение как недостойную клевету на тех, которых сами обличители

не могут не признать первоучителями русской социал-демократии. Итак, не потому огорчают меня события последних дней, чтобы я не хотел торжества рабочего класса в России, а именно потому, что я призываю его всеми силами души. В течение последних месяцев нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов³. Теперь, после недавних событий в Петрограде, сознательные элементы нашего пролетариата обязаны отнестись к этому замечанию более внимательно, чем когда бы то ни было. Они обязаны спросить себя: готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру?

Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь, ответит на этот вопрос решительным отрицанием. *Нет, наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти.* Навязать ему такую власть значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России. В населении нашего государства пролетариат составляет *не большинство, а меньшинство.* А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист.

Правда, рабочий класс может рассчитывать на поддержку со стороны крестьян, из которых до сих пор состоит наибольшая часть населения России. Но крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того: хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма. В этом опять-таки не может сомневаться никто из тех, которые хорошо усвоили себе нынешнюю социалистическую теорию. Стало быть, крестьяне — совсем ненадежный союзник рабочего в деле устройства социалистического способа производства. А если рабочий не может рассчитывать в этом деле на крестьянина, то на кого же он может рассчитывать? Только на самого себя. Но ведь он, как сказано, в *меньшинстве*, тогда как для основания социалистического строя необходимо

большинство. Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить «социальную революцию», то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение.

Говорят: то, что начнет русский рабочий, будет dokonчено немецким. Но это — огромная ошибка. Спора нет, в экономическом смысле Германия гораздо более развита, чем Россия. «Социальная революция» ближе у немцев, чем у русских. Но и у немцев она еще не является вопросом нынешнего дня. Это прекрасно сознавали все толковые германские социал-демократы как правого, так и левого крыла еще до начала войны. А война еще более уменьшила шансы социальной революции в Германии благодаря тому печальному обстоятельству, что большинство немецкого пролетариата с Шейдеманом во главе стало поддерживать германских империалистов. В настоящее время в Германии нет надежды не только на «социальную», но и на политическую революцию. Это признает Бернштейн, это признает Гаазе, это признает Каутский, с этим, наверное, согласится Карл Либкнехт.

Значит, немец не может dokonчить то, что будет начато русским. Не может dokonчить это ни француз, ни англичанин, ни житель Соединенных Штатов. Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года. А война, которую поневоле приходится вести России? Страшно осложняя положение дел, она еще больше уменьшает шансы социальной революции и еще больше увеличивает шансы поражения рабочего класса.

На это возражают: мы декретируем мир. Но, чтобы германский император послушался нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнее его, а так как сила на его стороне, то, «декретируя» мир, мы тем самым декретируем его победу, т. е. победу германского империализма над нами, над трудящимся населением России. Решите сами, можем ли мы радостно приветствовать подобную победу.

Вот почему, дорогие товарищи, меня не радуют, а огорчают недавние события в Петрограде. Повторяю еще раз. Они огорчают меня не потому, чтобы я не хотел торжества рабочего класса; а, наоборот, потому, что я призываю его всеми силами

души и вместе с тем вижу, как далеко отодвигают его названные события. Их последствия и теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, — еще того хуже, — одной партией.

Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка. Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление. Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться.

Весь ваш Г. Плеханов.

